

**Ульяна Верина**  
**(Не)взаимодействие официальной и неподцензурной**  
**поэзии: Е. Винокуров и В. Блаженный**

Публикации и исследования неподцензурной поэзии сформировали представление о ней как особой ветви, отличной и отделенной от разрешенной советской литературы. Так было осмыслено ее своеобразное бытование, которое требует и соответствующих подходов. Однако это не исключает и возможность некоего обобщающего взгляда, позволяющего рассмотреть поэзию советских времен как сложную целостность. Поэты-современники не находились в двух изолированных областях литературы, «невидимость» неподцензурной поэзии достаточно условна – это была преимущественно неизвестность для широкого читателя, тогда как внутри писательского сообщества совершенно ясным было представление о разрешенном и запрещенном, что подразумевало существование не только официального стиля. Многие поэты одновременно принадлежали двум ветвям: писали или переводили для печати (для заработка) и в стол. Общий взгляд на разрешенное и неподцензурное творчество одного автора или сопоставление созданного в один период разными поэтами существенно обогатило бы историю обоих направлений.

Важной является попытка определить, что было разрешено и что не могло пройти в печать. Очевидно, что это не тематика и не стиль как таковые, а, вероятно, что-то более трудно уловимое: модуляции голоса (как писал М. Гаспаров об А. Ромме, которого мало печатали, даже несмотря на «правоверные» стихи о Ленине и Сталине, потому что «у системы было чуткое ухо и она слышала, что голос его был недостаточно чист» [7]). Л. Лунгина говорила о том, что советская литература боялась неясности, всего того, что допускало момент толкования, и для нее в свое время было откровением, что идеологически неподходящими могут быть не только мысли, но и манера письма.

Существование двух ветвей можно определить как (не)взаимодействие, и в той паре поэтов, к которой мы обратимся, взаимодействие равновозможно и происходило и нет. Судьбы Евгения Винокурова и Вениамина Блаженного можно назвать «образцовыми» для того, чтобы один представлял поэзию официальную, а второй – неподцензурную. Есть общее. Они ровесники. Оба родились в 1920-х гг. и ушли из жизни в 1990-х (годы жизни Е. Винокурова – 1925-1993, В. Блаженного – 1921-1999). Но это почти всё, что есть общего в их биографиях. Е. Винокуров воевал,

В. Блаженный был в эвакуации. Е. Винокуров начал печататься в 1948 г., В. Блаженный – в 1982 г. Е. Винокуров учился в литературном институте, издал первую книгу в 1951 г., В. Блаженный писал стихи предположительно с 1939 г., первая книга вышла в 1990 г.

Поэт В. Блаженный придумал себе судьбу, сконструировал, выстроил центральный я-образ, вокруг которого создал художественный мир. В рамках этого мира поэт – это всегда обреченная, трагедийная фигура, с печальной судьбой, отвечающей цветаевскому представлению, содержащемуся в риторическом вопросе «Какой поэт из бывших и сущих *не* негр, и какого поэта *не* убили?» [8, с. 329]. Благополучных и признанных поэтов в свете такого понимания В. Блаженный называл подлецами, в его архиве немало стихотворений и эпиграмм, посвященных П. Антокольскому, А. Суркову, Б. Окуджаве, В. Высоцкому, А. Вознесенскому, Я. Хелемскому. Имя Е. Винокурова в известных на данный момент стихах, посвящениях, интервью В. Блаженного не упоминается. Но, конечно, он отлично знал советскую официальную поэзию, следил за происходящим, у него была большая библиотека, и не читать Е. Винокурова он просто не мог. В то же время вполне вероятно, что минский поэт был одним из тех, кто, пытаясь опубликоваться, присылал в «Октябрь» и «Новый мир» свои стихи. Существует несколько подборок, которые были отпечатаны на машинке женой В. Блаженного или переписаны им самим от руки (он работал в чертежной артели и писал четким чертежным почерком) и разсланы В. Шкловскому, А. Тарковскому, возможно, Г. Померанцу, а также по редакциям журналов. Это была одна из форм присутствия неподцензурной поэзии, во всяком случае, нельзя сказать, что В. Блаженного, как и других поэтов, пытавшихся опубликоваться, не читали и что не знали об их существовании. В. Блаженного читали, в частности, те, кто его не печатал. И – вполне вероятно – Е. Винокуров, который в одном из стихотворений сам себя назвал «заведующим поэзией»: он возглавлял отделы поэзии журналов «Октябрь», с 1971 по 1987 г. – «Новый мир», был составителем первого выпуска альманаха «День поэзии» 1956 г. Под обложкой этого издания, только много позже, в 1982 г., поэты «встретились» единственный раз. Это была первая публикация В. Блаженного: тогда под псевдонимом Блаженных в альманахе было опубликовано три стихотворения, они открывали рубрику «Дебюты». В советскую печать прошли тексты «Я мертвых за разлуку не корю...», «Скажи, кого спасла твоя рука?..» и «Соль», всего-то 29 строк. Е. Винокуров в том же выпуске «Дня поэзии» представлен пятью текстами – достаточно длинными стихотворениями, которые заняли в альманахе заметное место.

«Заведующий поэзией» позволял себе много вольностей в стихах в самых разных смыслах. Он писал верлибры, и по подсчетам В. Перельмутера – всего их три десятка, между первым и последним – 36 лет, большая часть – двадцать – написаны в первой половине 1960-х гг. [6]. Ю. Б. Орлицкий отмечал, что в «оттепельные» годы появлялись верлибры «патриархов» советской лирики Н. Ушакова, И. Сельвинского, К. Симонова, Н. Рыленкова, «нередко датированные прежними десятилетиями» [5, с. 388]. У Е. Винокурова тоже были верлибры и более ранние, но основная их часть появилась на «оттепельной» волне, т.е. когда «было можно». Стихотворение Е. Винокурова, озаглавленное «Заведующий поэзией», написано свободным стихом в 1961 г. (заметим, что это еще доновомирский период):

*Прут. Все пишут стихи.*

*Пишет весь мир!.. <...>*

*Авторы или. Тонны и тонны стихов.*

*Слова, слипшиеся, как леденцы в кулаке.*

*В них слабенький яд.*

*Но в больших количествах – опасно.*

*Я отравился.*

*Я был как перенасыщенный раствор:*

*Еще чуть-чуть, и начнется кристаллизация, --*

*Поэзия станет выпадать во мне*

*Ромбами или октаэдрами.*

*Я бы возненавидел поэзию,*

*Люто, на всю жизнь.*

*Но вдруг подалась строка... («Заведующий поэзией», 1961)*

[4, с. 113].

В. Перельмутер заметил, что Е. Винокуров подправил последнюю строку для издания книги избранного «Самая суть», в первой публикации было: «*Но вдруг подалась строчка...*». После правки размер выровнялся, и так в последней строке амфибрахия стала четче выражена идея о хорошей правильной поэзии, противопоставленной «неправильной» плохой. Однако всё же свободные стихи у Е. Винокурова были, и с неожиданными для советских стихов образами, как, например, в стихотворении «По ту сторону лица», написанном в Заульгау в 1964 г. и

повествующем о встрече с отарой овец в Альпах, «в местности, где были когда-то концлагеря»:

*Пастух схватил одного барана  
и вынул складной нож.  
Другой пастух стал разводить костер для ужина.*

*Но если приподнять лицо человека,  
как крышку бака,  
под ним будет клубиться  
хаос [3, с. 72].*

Здесь и распад логической связи между строфами, и неожиданная ассоциативная метафора. Так и в рифмованных силлабо-тонических стихотворениях Е. Винокурова иногда возникали, как кажется, сомнительные с точки зрения идеологии образы. Одно из таких стихотворений «Государственность» было опубликовано в книге «Зрелища» в 1968 г.:

*Я научился понимать  
Явления большого ряда...*

*Меня вела за ручку мать  
Туда, на таинство парада...*

*Сперва пехоты шли полки.  
Вдруг пушки – без конца и края!..  
И, страшно выкатив белки,  
Я только охнул, обмирая.*

*Людей пугая не со зла,  
В воинственных доспехах бранных,  
Мощь государства снизошла  
В знаменах. В трубах. В барабанах.  
И чтобы шире даль была,  
На плечи взял меня верзила...*

*Меня до пяток потрясла  
Вдруг государственности сила!*

*Бьют в камень миллионы ног.*

*Пехота движется морская.  
И маршал, вытянув клинок,  
Стоит, колонны пропуская.*

*И снова ужас охватил  
Мистический, как и вначале,  
Когда о стонуций настил  
Тупые танки застучали.*

*...На площади клочки сенца.  
Дрожит под маршалом кобыла...*

*И государство, как птенца,  
Меня крылом своим накрыло.*

Государство внушает мистический ужас («пугая не со зла»), и в тексте немало художественных образов, трудно совместимых с дозволенным в советской литературе: «выкатил белки» и «до пяток потрясла», «тупые танки», маршал на кобыле.

Согласительным и примиряющим в этом стихотворении выглядит финал, который, однако, все же допускает разночтения. С одной стороны, получается такой советский «Медный всадник»: маленький человек трепещет перед государственной мощью; с другой стороны, эта мощь все же охраняющая, а не враждебная.

Линия верлибра в творческой эволюции В. Блаженного не совпадает с общелитературной. Он писал верлибры с 1940 г., т. е. с первых поэтических опытов, – тогда верлибры были единичны, исключительны, стояли вне литературной ситуации. «Оттепель» никак не повлияла на количество свободного стиха В. Блаженного: 1960-е гг. представлены одним текстом – стихотворением «Маленькая кошка». Чуть более плодотворны в этом смысле 1970-е гг., а всплеск свободного стиха одномоментен – и происходит в ноябре 1990 г. Отметим, что и первый постсоветский период в русской поэзии был ознаменован подъемом и расцветом верлибра. Но трудно однозначно связать два эти близкие по времени факта и утверждать, что индивидуальный путь поэта совпал с общеисторическим развитием поэзии, поскольку не за десятилетие, а за один месяц поэт создал столько же свободных стихов, сколько за предыдущие полвека.

Среди произведений В. Блаженного, которые он, скорее всего, и не надеялся опубликовать, немало стихов, посвященных женщине, в том числе эротических. Интересно, что у В. Блаженного и Е. Винокурова есть сходные образы в стихах этой

тематики, при этом у Е. Винокурова они облекались в пригодные для печати образы, а у В. Блаженного были совершенно невозможными.

В 1962 г. Е. Винокуров свободным стихом написал стихотворение «Женщина». Лирическая ситуация такова: герою стихотворения 15 лет, он поэт, и он видит, как женщины моют окна. Герой смотрит на них снизу вверх, женщины в юбках, герой смущен и опускает глаза – а во дворе висит женское белье. Складывается динамичный и напряженный сюжет, молодой герой с трудом прорывается на улицу:

*Я думаю о тайне кривой линии.*

*Кривая женской фигуры!*

*Почему перехватывает дыхание?*

*О, чудовищное лекало человеческого тела!*

*Я опускаю глаза. Хочу пройти через двор.*

*Он весь увешан женским бельем на веревках.*

*Это – огромная выставка интима. Музей исподнего.*

*Гигантская профанация женственности...*

*Я выныриваю так, что шелковые,*

*Чуть влажноватые чулки*

*Проволакиваются по моему лицу...*

*Я поднимаю глаза: там, вдалеке, в проруби,*

*Как вода, мерцает голубая бесконечность.*

*Я облегченно вздыхаю.*

*Но вижу, что и там проплывает облако,*

*Округлое,*

*Как женщина («Женщина», 1962) [4, с. 158].*

В финале гармония восстановлена, и это будто бы отпускает советскому поэту все грехи. О. Юрьев, определяя специфику неподцензурных блокадных стихов, говорил о «допустимых решениях» в стихах О. Берггольц, которые «*существуют в пределах возможных, допустимых, разрешенных (в том числе и себе самой) чувств и образов, “с ответом в конце задачника”*». Здесь, полагает О. Юрьев, может быть отмечена граница между двумя поэзиями «*по наличию или отсутствию ответа в конце задачника*» [9, с. 72].

Неподцензурный минский поэт не считал нужным уравнивать и куда более откровенные образы возвышающими метафорами. И даже наоборот. У Е. Винокурова в

приведенном примере вода, небо, облако в финале приподнимают весь строй стихотворения, у В. Блаженного те же образы служат противоположным целям:

*...Из блузы ситцевого неба  
Потеют груди-облака  
И между спутанных деревьев  
Течет распутная река...*

*И пьяным воздухом желанья  
Целуя сильного в уста,  
Живет и дышит мирозданье,  
Как дышит женщина в кустах... («Отрывок», 1940–1941).<sup>1</sup>*

*Это вовсе не женское тело, а озеро,  
Это озеро, ставшее ширью-рекою,  
И его по краям легким льдом приморозило,  
В глубине — синева и блаженство покоя.*

*Это вовсе не груди, а белые голуби,  
И они от случайного взгляда трепещут,  
И они наливаются влагой тяжелою,  
Молоком беспокойным отдавшихся женщин.*

*Это вовсе не руки, не ноги, а лебеди,  
И они воспаряют как бы беспричинно,  
И они пролетают в ликующем трепете,  
Когда водное лоно колеблет мужчину (8 февраля 1983 г.)*

Невозможной и неуравновешенной ничем, словно созданной без литературной подкладки, является образность одного из ранних верлибров В. Блаженного 1941 г. Сравнив его с верлибром Е. Винокурова «Женщина», можно ясно видеть сходство и специфику. В обоих случаях женщина – это искушение, герой – мальчик-поэт, в ситуациях есть даже сходный момент касания:

*Вселенная перелаживает жерновами смерти  
Хрупкие кости  
(Нежные сахара)  
Веселых женщин*

---

<sup>1</sup> Это и следующее стихотворение В. Блаженного не опубликованы и цитируются по архивным тетрадам.

*И романтических мальчиков.*

*Женщина!*

*ваше бедро скользнуло по мраку*

*крылом лебедя...*

*Мальчик-поэт,*

*Как забытый цветок нечаянной встречи,*

*Рифму «любовь»*

*Прикусил неживыми губами [1, с. 4].*

«Гармоничному», «разрешенному» верлибру Е. Винокурова ясно противопоставит совершенно «невозможный» верлибр В. Блаженного, созданный в невозможное для свободного стиха время – в 1941 г.

«Художественным примирением» со своим чуть младшим и значительно более успешным современником можно считать миниатюру В. Блаженного, завершающую посмертный сборник поэта «Моими очами» (составлен и издан Д. Кузьминым в 2005 г.). Она может быть прочитана как отклик на смерть Е. Винокурова и его давнишний образ из стихотворения 1963 г. «Моими глазами». Стихотворение Е. Винокурова начинается с утверждения, противоположного пушкинскому: «Я весь умру. Всерьез и бесповоротно...», – и далее:

*Лгут все поэты! Надо быть беспощадным.*

*«Ничто» – вот что*

*Будет лежать под холмиком на Ваганькове.*

*Ты придешь, опираясь на зонтик,*

*Ты постоишь над холмиком,*

*Под которым лежит «Ничто», потом вытрешь слезу...*

*Но мальчик, прочитавший мое стихотворение,*

*Взглянет на мир моими глазами («Моими глазами», 1963).*

Снова отметим тот же гармонизирующий и оптимистический финал верлибра. Это все же «Памятник», написанный с уверенностью на посмертную славу. Прах Е. Винокурова был захоронен в 1993 г. не на Ваганьковском, а на Новодевичьем кладбище, а в тайной борьбе с ним «прочитавший его стихотворение» мальчик – Вечный Мальчик (этот я-образ В. Блаженный использовал на протяжении всей жизни) написал в Минске 6 декабря 1993 г.:

*Ну что я могу вам сказать на прощанье,*

*Старик сумасшедший, прохожий чуждак?..*



*Глядите на кошек моими очами,  
Моими руками ласкайте собак [2].*

Ни тени надежды на то, что эти строки станут «Памятником». Кошки и собаки – персонажи стихов В. Блаженного, товарищи по несчастью его лирического героя – нищего, бродяги, юродивого, мальчика, воробушка, птенчика. У В. Блаженного это частые я-образы, и птица, под крылом которой ему хорошо, – это его умершая мать. Е. Винокуров ощутил себя птенцом, по всей видимости, лишь под крылом государственной мощи.

В заключение надо сказать, что единственная книга, составленная самим В. Блаженным, – «Сораспять» – так же тщательно выстроена, как и его лирическое «я». Своим верлибрам поэт не придавал большого значения, а самые свои «хулиганские» стихи не предназначал для печати, поэтому маловероятно, что включал их в подборки, которые рассылал в журналы. В сопоставлении стихов Е. Винокурова и В. Блаженного нельзя ясно видеть взаимодействие или влияние, но и невозможно их не видеть – это именно (не)взаимодействие. Конвенциональность, даже не идеологическая, а литературная, делала Е. Винокурова разрешенным поэтом, а отсутствие каких бы то ни было уступок редакторско-читательскому вкусу оставили В. Блаженному только уединенное существование, без признания, которого ему, по всей видимости, очень хотелось, и без публикаций, на которые он не переставал надеяться. Рукопись «Сораспять» была заготовлена, лежала под рукой, поэт верил, что однажды придет человек, который захочет опубликовать его книгу. Так и произошло. Что касается поэзии Е. Винокурова, то, на наш взгляд, он оставил материал, чрезвычайно ценный для изучения проблемы разрешенного и запрещенного в советской поэзии. Здесь уже даже и не «чистота голоса», и не ясность и недвусмысленность, потому что много в его стихах сомнительного и поддающегося разночтению. Возможно, должность «заведующего поэзией», отлично знающего конъюнктуру и самого разрешающего или запрещающего то или иное стихотворение к печати, позволяла ему хорошо ориентироваться в системе и оставаться в ряду советских поэтов, не знавших немилости.

### Список использованной литературы

1. Блаженный В. Верлибры / сост. У. Верина. – Минск: Новые мехи, 2011.
2. Блаженный В. Моими очами. Стихи последних лет / сост. Д. Кузьмин. – М.; Тверь, 2005. – URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/blazhenny2.html>.
3. Винокуров Е. Зрелища. – М.: Сов. писатель, 1968.

4. Винокуров Е. Самая суть. – М.: Сов. писатель, 1987.
5. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. – М.: РГГУ, 2002.
6. Перельмутер В. Свобода стиха (о поэзии Евгения Винокурова) // Арион. – 2012. – № 1. – URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2012/1/p20.html>.
7. Ромм А. Стихи 1927—1928 гг. / публ. и вступ. ст. М. Гаспарова // Toronto Slavic Quarterly: Academic Electronic Journal in Slavic Studies. – URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/romm.shtml>.
8. Цветаева М. И. Мой Пушкин // Цветаева М. И. Сочинения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1980. – Т. 2. Проза. – С. 327—367.
9. Юрьев О. Заполненные зияния: Книга о русской поэзии. – М.: Новое лит. обозрение, 2013.